

Владислав
ОКОРОКОВ

РАСХОДИСЬ

Владислав О कोरोков

Расходись

стихотворения

Оренбург
2018

УДК 82-1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

О 51

Эта книга издана при поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Владислав Окороков. Расходись. Стихотворения. —
Оренбург: Издательский центр МВГ, 2018. — 40 с.

16+

ISBN 978-5-907080-35-5

©Владислав Окороков, стихотворения, 2018 г.

©Издательский центр МВГ, 2018 г.

этот город

этот город самого Петербурга серее —
кварталы высоток, куда ты ни глянь.
и тусклое солнце ни капли не греет,
и жизнь — ежедневная скучная дань.
людей перевозят с места на место
душные жёлтые птицы-газели,
фразы глухие и мутные жесты —
как сериал из недели в неделю.
нет ни надежды, ни веры, ни счастья.
небо — свинец, а закат фиолетов.
не ощущаю себя его частью.
этот город не может рождать поэтов.
2015

ГНИ СВОЮ ЛИНИЮ

прозрачные ночи и серые дни,
ремень перетянут так туго,
но как бы то ни было — линию гни,
пока не согнётся до круга.
горячий закат накалён добела,
в больничном окне он прохладен.
звонок телефона: «привет, как дела?
лежишь до сих пор, бога ради?
ты вспомни, как мы меньше года назад

ломали гитары об сцену!
а ты тут закил в коридорах палат,
от скуки царапая стены.
вставай! наш припев ещё не был допет
(куплеты и не начинали),
а летом, в июле, починим мопед,
и август останется с нами.
у нас впереди ещё пьянок с тобой —
не счесть, не допить, не проспаться.
концерты/гастроли/и повод любой,
и каждую ночь будут танцы.
заставь меня верить, что это не зря,
не зря вместо линий — два круга.
ты знаешь, я так не хочу потерять
последнего лучшего друга».

2015

спасибо

холодным утром чуть живой,
не сплю путём вторые сутки,
укрывшись небом и травой,
я будусны смотреть в маршрутке.
пусть ветер замедляет путь,
на опостылевшие пары
ползу, пытаясь не уснуть,
под звон уставшей слайд-гитары.

мой город позабытый, но
ещё способный рвать на части,
смотреть на жизнь, как на кино,
с порезом тонким на запястье.
и каждый вечер в голове
лишь кофе, кухня, телевизор.
не здесь мы — кто-то на Неве,
а кто летит с шенгенской визой.
и всё, что было, — как мечты,
когда стояли ночью у киоска,
и я Есенин был, а ты...
а ты тогда был Маяковский.
и в ветре мартовской пурги
мне не найти без вас покоя.
ты стала веточкой ирги,
я стал единственной строкою.
и вроде счастлив, но один,
без этих встреч всё так постыло.
всё, в чём нуждался, — позади.
спасибо вам за то, что было.
2015

юноша смеётся

мгла расстилается молча
над гладью пустой воды.
тени сгорают в полночь,
и льётся молочный дым.

холодный разлётся месяц,
под глазом висит фонарь,
и в узких пролётах лестниц
стелется горькая гарь.
пальцами по парапету
юноша бродит, смеясь,
прячет во взгляде лето,
голос его — змея
тихо ползёт; полуночный,
он по асфальту скользит,
чист и невинен, впрочем,
шаг за другим в грязи.
нежность подводного ила,
улица, ночь — твоя.
«я никогда не любила».
юноша бродит смеясь.
2015

город мой!

здравствуй, мой город! закурим пока?
утро промчится в троллейбусе мимо.
я прогуляюсь в объятиях дыма,
а над тобой поплывут облака.
здравствуй, мой город! ты жив там ещё?
не задыхаешься в уличной фальши,
в воздухе? им не дышать, только кашлять.

спрячь меня, друг мой, под старым плащом.
здравствуй, мой город! оставь сигарет!
кинь зажигалку! тебе ведь не нужно.
всё при тебе — и проспекты, и лужи,
утренних улочек ласковый бред.
здравствуй, мой город! прощай и забудь.
я же запомню твой голос простывший.
ты мой родной, но теперь уже бывший.
встретимся. пусть будет счастлив твой путь.
2015

целовать

при встрече тебя целовать так, как будто прощаюсь.
как только прощаюсь, так сразу до пепла гореть.
и если всё это — любовь, то она небольшая,
побольше размера Вселенной всего лишь на треть.
любовь — как закат, ей не быть никогда бесконечной.
минуты, пока он горит, — лишь тогда мы живём.
а вслед за закатом рассветы, и утро, и вечер,
и снова закат, только ждать его надо вдвоём.
мы ждали его, и мы видели снова и снова,
как красное сердце в себе растворяли моря.
любили и гасли, и вновь разгореться готовы,
как в тёмном проулке безмолвные два фонаря.
мы были одни, кто-то пел госпожу Кулаченко —
быть может, сама она, может быть, кто-то другой.

я гладил тебя по замёрзшим усталым коленкам,
и каждая мелочь казалась тогда дорогой.
и минский вокзал, и бориспольские терминалы —
так много всего отражалось в тебе в тот момент.
мне было тогда тебя... знаешь, да всё ещё мало,
и будет тебя не хватать и спустя много лет.
мне сложно судить, вообще я ни в чем не уверен —
ни в жизни, ни в чувствах, ни даже в цене сигарет.
я просто надеюсь, что оба отыщем свой берег
и встанем, как два корабля, на пожизненный рейд.
ты слышишь? запели сверчки и вдали потемнело,
и гаснет закат, и обратно путей уже нет.
касания рук отражаются дрожью по телу.
для нашей любви это новый прекрасный рассвет.
2015

НОВАЯ ЖИЗНЬ

так странно скучать по чему-то —
по дому, бессоннице, снам,
по снегу приятному утром,
по крышам и паркам, по нам.
логично скучать по веселью
и даже по скуке скучать,
по пьянкам и даже похмелью,
по лампочкам и по свечам.
так глупо скучать, но скучаю

по дыму твоих сигарет;
как ты, волосами качая,
курила на алый рассвет.
так грустно скучать по кому-то,
и этого мне не отнять,
ведь чувств не стереть уже, будто
они стали частью меня.
так грустно, так глупо, так странно —
летят и летят этажи.
по капле стекает из крана
какая-то новая жизнь.
2015

целуешь звёзды

так много слов о счастливом конце,
а май необычно жаркий.
ты ищешь звёзды в моём лице
и целуешь самые яркие.
а ветер, чуть тёплый, вздымает едва
твоё невесомое платье.
прислушайся к музыке, а не к словам,
нам время дано, чтобы тратить.
на волосы ленту привяжешь и пой
о горке и самокате.
нам ноги ласкает прохладный прибой,
нам время дано, чтобы тратить.
2015

буду!

буду кофе варить в турке
а ты будешь мыть посуду
кидать по кухне окурки
буду
в автобусе ночью мирно
нет никакого люда
тебя провожать до квартиры
буду
считаешь меня интересным
мне кажется я зануда
греться с тобой рядом тесно
буду
у моря небо такое
как лепестки незабудок
в волнении и в покое
с тобой буду
подвесьте меня за рёбра
и я стану Робинот Гудом
твоим разбойником добрым
буду
а счастье появится вскоре
появится из ниоткуда
с тобой и с улыбкой и в горе
буду
под утро Луна потухнет
и я окурков груды

выметать из прокуренной кухни
буду
2015

маршрутки

никогда не любил маршрутки
особенно ехать зимой
на каждом толстенная куртка
и пахнет бензином порой
и вроде бы неромантично
в отличие от метро
и это стало привычным
и даже как мир старо
в маршрутках меня качает
и хочется умереть
не хочу ни кофе ни чаю
не буду в них ездить впредь
я так очень долго думал
пока я не стал влюблён
как будто бы тучей умер
потом воскрес я дождём
и я полюбил маршрутки
особенно ехать зимой
тепло когда рядом куртки
и пахнет духами порой
и запахи перегара

дорог мне каждый алкаш
и бабушки дети и пары
ты их никому не отдашь
поедем на жёлтой «Газели»
стихи почитаем Басё
и тут же запахнет елью
влюблённый влюблён во всё
2015

температура

вы любили меня глазами
я любил непонятно чем
я проснулся/встал/замер
как в одну из бессонных ночей
их глаза были будто стёкла
наивные юные дуры
они говорили «ты тёплый»
а это просто температура
всё тепло — одному свету
что блестит из твоих век
я одет — ты полураздета
мы вдвоём проживём этот век
2015

ленинградское небо

я смотрю в этот город из окон.
телефон раздражённо звонит.
мои мысли — о чём-то далёком,
и меня отвлекают они.
я закрылся в себе, и мне тесно,
и себя/никого мне не жаль.
я устал от подвалов и лестниц,
только с них мне уже не сбежать.
я смотрю из витрин магазинов
на стеклянные лица и дождь,
на холодную мокрую зиму...
только осень уже не вернёшь.
жизнь моя — неразгаданный ребус.
ошибёшься — ложись на ножи.
ленинградское серое небо
под моими ногами лежит.
2015

белая ночь

я сижу на поребрике. лето.
после полночи тени длинней.
потеплевшим асфальтом проспекта
расплываюсь по нежности дней.
из-за крыш виден шпиль на Дворцовой

и по воздуху — запах Невы.
по парадным ночью я снова,
только где же ночуете вы?
эти сумерки я прожигаю
огоньком сигареты слегка.
светят фары последних трамваев,
и июньская ночь так легка.
три часа. на востоке светает.
я сижу на перилах моста.
эта вечность такая простая,
эта жизнь для меня так проста.
никого-ничего. сигареты.
только спички мне могут помочь.
я сижу на поребрике. лето.
разгорается белая ночь.

2016

наотмашь/сын моряка

я раскрылся под звёздами настужь
и поплыл по балтийским волнам.
и дыхание соли — в лопатки...
разрывает штормами на части
и кидает по сладостным снам.
растворяюсь в тебе без остатка,
без морских полуночных истерик.
эта тёплая ночь так легка.

Млечный Путь в облаках — как река.
и швыряет наотмашь о берег
в ярко-жёлтом луче маяка.
я — потерянный сын моряка.
2016

завершается игра

я устал говорить и стонать о любви,
я устал от колёс и микстур.
это было вчера, а теперь — aujourd`hui*.
где глаза тех влюблённых дур?
я устал разгораться и гаснуть опять.
я устал превращаться в пепел.
я устал нарушать безмятежную гладь
и с обрыва бросаться слепо.
я устал сознавать, что я сам себе вру,
что финал до нелепого близок.
то, что вечером было, — исчезнет к утру,
и последняя смолкнет реприза.
я дышу и живу в сигаретному дыму,
и игра так близка к развязке.
всё, что было двоим, наконец (?) одному.
я разбит и я предан огласке.
может, каждый конец — это повод идти,
и теперь всё начнётся заново?

*Сегодня (франц.).

но довольно. потерян и сбился с пути.
занавес.

2016

ленинградское время

мои силы и мысли всё ниже,
хотя вроде ещё молодой.
я тону без возможности выжить
в полной ванне с горячей водой.
мне не грустно. уже безразлично,
что случится. какой мне резон?
и, как нагло потухшая спичка,
исчезает из глаз горизонт.
неприятно? быть может, немного.
ленинградское время — закат.
потерял и звезду, и дорогу,
и теперь я иду наугад.
но я выплыву. знаю. сумею.
мой огонь до конца не угас.
и в груди наконец потеплеет,
и хоть кто-то мне руку подаст.

2016

давай вернёмся

поезда перестали ходить,
заржавели стальные дороги.

осознание ждёт впереди —
этот город угрюмее многих.
снова знойное лето умрёт
и прощальной прохладой окатит.
направление — только вперёд,
настроение — только в закате.
по панелям истлевших домов
прошуршит пожелтевшее платье
из лучей угасающих снов.
на сентябрь мне, видимо, хватит.
и мелькают в глазах города.
я завис между явью и навью,
только мне не забыть никогда
шум деревьев с оренбургской печалью.
2016

польские цветы

по ногам, будто бритва, трава полоснёт на рассвете.
в металлической зелени — солнца бледнеющий блик.
и прохладный туман проплывёт, игнорируя ветер,
горизонт полыхающей гранью затихнет на миг.
зашумят серебристые кроны, оттаяв. проснувшись,
побегут пробуждённые реки с Судетских вершин.
ослабевут порывы ветров, ничего не нарушат:
ни полей и ни гор, ни дорог и ни тёмных лощин.
а дорога в оранжевой глине застынет стрелой,
неподвижно лежит, затерявшись в высокой траве.

и чуть слышно запахнет медовой и хвойной смолою.
надо мною — сосна, и закружится всё в голове.
разольётся заря, и исчезнут последние мысли,
я уйду, на холодной земле не оставив следов.
и, взглянув напоследок на берег сверкающей Вислы,
утону в расцветающем запахе польских цветов.
2016

КИТ

мой кит больше не позвонит —
он спрятался где-то вне зоны.
не слышно ни шума, ни звона —
молчащий, скучающий вид.
плывут под водой берега
и парус, хрустящий от соли.
мой кит был рождённым в неволе,
и воля ему дорога.
он знает, что я не приду,
и к пирсу не выплывет снова.
на лунных часах — полшестого,
и море в рассветном бреду.
маяк не горит скоро год —
я выйду на крышу и слезу.
и небо в кровавых порезах,
и кит уже больше не ждёт.
тут белый песок, как магнит,
и звёзд сюда падают сотни.

и, выбросив тело на отмель,
мой кит больше не позвонит.
2016

прекрасных дней

в окно трамвая посмотри,
как ветер в небе тучи носит.
и эта пасмурная осень —
она не где-то, а внутри.
смотри, как кто-то под зонтом,
а кто-то с голыми плечами,
как мы июльскими ночами;
но ты не вспоминай о том.
и кто-то едет в магазин,
а кто домой из магазина —
в руках тележки и корзины,
и тусклый свет, и блеск витрин.
и кто-то курит. я курю.
стою один на остановке
в промокшей дочерна толстовке,
смотрю навстречу октябрю.
и я звоню, и мне звонят,
и звон трамвая по проспекту.
и нету лучшего эффекта,
когда ты смотришь на меня.
я ненавижу октябри,
но ничего никто не спросит,

а эта пасмурная осень —
она не где-то, а внутри.
2015

дерзкий поляк

мои руки сжимают промокший штурвал,
и Полярная светит несмело.
паруса свирепеющий шторм разорвал,
и сирена во фьорде запела.
мне не страшно, пусть волны колотятся в грудь,
и не виден маяк за туманом.
надо мною, над небом — сверкающий Путь,
за стеною — далёкие страны.
и порты, города за кормою плывут,
и под килем ни рифов, ни мели.
глубина!.. это всё ж океан, а не пруд.
здесь то солнце, то ночь и метели.
я один, только месяц и звёзды со мной,
но так хочется крикнуть о многом.
берега так и манят своей пеленой,
и все песни звучат эпилогом.
и на мачте повис мой истрёпанный флаг,
и Полярная что-то потухла.
но, увы, для кого-то я дерзкий поляк,
для кого-то — тряпичная кукла.
2016

there is no good in goodbye*

я сон на мысли променял.
в карманах дрожью сводит пальцы.
мне так хотелось улыбаться,
но это всё не про меня.
мне так хотелось выйти вон,
сбежать из выцветшей парадной,
и ты б сказала: «ну и ладно»,
а я б ответил: «что с того?».
и тени бегают в глазке,
а я мечусь по всей прихожей,
на чёрт-те что уже похожий —
небрит, в футболке и в тоске.
и дни пустые прут стеной,
до рвоты рвут на части глотку,
слова заносят ввысь, как плетку:
«побрейся, брось курить, не ной».
иду себе наперекор —
пусты теперь мои палаты.
снимаю маску, сброшу латы.
«прощай» звучит как приговор.
2017

*Ничего хорошего в словах «всего хорошего»
(англ.).

под сурдинку

зачем делить меня на ноль?
и так не взвиться мне кострами.
укрыв брезентом и стихами,
закинь меня на антресоль.
закрой на ключ и проглоти,
ложи в сундук и спрячь на полку,
но сколько в этом будет толка?
тебе не сбить меня с пути.
ты можешь не звонить уже —
тебе не скрыть меня из виду.
в тебе бушует злость, обида,
и капли крови на ноже.
а грудь под кожей так тесна,
и разорваться скоро сможет.
пока не поздно — прячься тоже,
и разбуди, когда весна.
2017

салют, весна!

здесь море обнажает дно —
спасибо солнцу и погоде.
хотел с тобой остаться вроде,
но ты мне машешь за окном.
здесь ветру некуда лететь,

и звук застыл, повис над телом.
и я скучаю неумело —
мои года уже не те.
разрежет тьму тугой гудок,
и стук колёс, шаги по шпалам.
привык довольствоваться малым,
но покидаю городок.
исчезнет поезд в тишине,
и тепловоз уныло стонет.
и кто-то курит на перроне.
и ты забыла обо мне.
а на стекле вагона лёд,
а по стене поплыли пятна,
но скоро март придёт обратно
и двери дома распахнёт.
2017

vasaris nebus amžinai*

и пары слов не пророня...
(в твоих глазах я стул без ножки)
и ты идешь до Техноложки
на пересадку до меня.
услышу тихий стук в окно,
и вспыхнут жёлтые фасады,

*Февраль не будет вечно (*литовск.*).

и взвояет шумом автострада —
не будет более темно.
твои неслышные шаги
затихнут где-то на Литейном,
и я молчу благоговейно,
и ночи без тебя долги.
колючий вечер, будто нож,
нарежет сердце на отрезки.
я буду ждать на Чернышевской,
а ты приедешь и уснёшь.
2017

Брамс

юные польки ведутся задаром
в свете луны через окна дворца.
звоны мазурки и норов мадьяров
диким огнём разжигают сердца.
руки в крови. я не сдам и не сдамся.
воздух хмельной, и сбивается ритм.
резвые танцы под музыку Брамса
жгут канделябры, и тело парит.
плаваются губы печальных лакеев,
пальцы дрожащие жмут на курок.
тот, кто погиб, — тот уже не успеет
выжить в указанный Господом срок.
тихо рассвет заалеет над Веной,
лица в мгновение станут слепы.

громкие залы и тесные стены
вмиг обратятся в пыль.
2017

Технологический институт

одевайся, нас с тобой уже ждут.
чайник кипит и девять бокалов.
у нас ещё несколько долгих минут
до точки, когда всё начнётся сначала.
ветер солёный неслыханно свеж,
волны глубокие кружатся в танце.
у меня, у тебя между рёбрами — брешь,
и мне б сквозь неё хоть сейчас надышаться.
скорее, давно всё накрыто для нас,
постелена скатерть, бутылка в духовке.
закрой же глаза, и мы будем сейчас
прыгать под куполом без страховки.
одевайся, нас с тобой уже ждут —
серое там, где должно быть синее.
«следующая станция —
„Технологический институт“.
переход на первую линию».

2017

морская

мне так хотелось писать о тебе,
сочинять, посвящать, говорить,
только это непросто, ведь я не Флобер,
да и ты не мадам Бовари.
ты — как море. но нет берегов — и тону.
это сложно сказать вслух.
на секунду расслаблюсь — и буду в плену
лиссабонских портовых шлюх.
я готов и простить, и смириться со всем,
но схватился и не отпускаю.
и ты льёшься из рук, утекаешь... зачем?
ты такая другая, морская.
приведёшь к берегам и оставишь на смерть
у созвездий одних на виду.
я когда-нибудь тоже устану терпеть —
уйду.
2017

зима

на панели песочная насыпь,
и прохожие снова бегут.
люди нюхают ананасы
и валяются спьяну в снегу.
тут лиловая скользкая наледь,

прорезается газ фонарём.
до утра будет челюсти скалить
сизый месяц под пушечный гром.
под салюты и лязганье перьев
в лабиринтах чулок и колгот,
через ветки погибших деревьев
продирается будущий год.
2017

стаккато

вместе с солнцем зайдёт из-за ставен,
и ты, может быть, спутаешь их.
он немедленно молча заставит
никогда не смотреть на других.
и ты влюбишься в северный говор.
твоё тело — из губ одних сплошь.
не бывает такого другого,
не ищи, всё равно не найдёшь.
ты смеяться легко будешь, честно,
не лукавя, душой не кривя,
и ей в теле твоём будет тесно —
перемены тебя удивят.
он без слов растворится с закатом,
и до страшного пусто внутри.
твоё сердце забьётся стаккато.
зачеркни. передумай. сотри.

и ты будешь одна себя трогать
и сгорать от щемящей любви.
посиди, помолчи на дорогу,
собери его песни и рви.
2017

паутина шрамов

штурвал в руках, но с корабля
я непременно буду сброшен,
и как тут думать о хорошем,
когда в кармане ни рубля?
когда пустая голова —
к чему послания и стансы?
ведь мне не оставляют шанса
твои ответные слова.
порез зажил. теперь он — шрам
и по ночам уже не ноет.
и платье белое, льняное
теперь не вижу по утрам.
и на губах не тает мёд,
и пусть мне счастье только снится —
во мне какая-то частица
жива ещё. горит. цветёт.
2017

милый друг

раскрываются тёмные шторы,
разливая на комнату свет.
ты читаешь страницы из Торы
и, бывает, что Новый завет.
на этюднике — холст и палитра.
на картине — густые мазки.
и все тюбики с краской открыты.
под мольбертом лежит молескин.
за бесценок уйдут твои птицы,
упорхнут на открытый балкон,
и порывами ветра страницы
унесёт за окно далеко.
ты без платя седишь за роялем
и влюбляешь в себя Дебюсси,
а рассветные тени упали —
можешь свечи на день погасить.
по ночам на стене силуэты —
ты обводишь их пальцами рук.
а мне хочется знать уже, где ты,
где ты прячешься, милый мой друг?
2017

череп и кости

протянутой рукой княжны
возьми мой череп, душу, кости —

когда я лягу на погосте,
они мне будут не нужны.
я шут гороховый, плебей —
моё лицо давно забылось.
ты на прощанье сделай милость —
возьми мои стихи себе.
возьми и рви, и разбросай,
пока гуляешь над ущельем.
и пусть мои стихи застелет
сырая горная роса.
а за спиной несутся дни!
твори, летай — потом расскажешь.
ты обо мне не помнишь даже,
но сядешь в поезд — позвони.
2017

ИДИ КО МНЕ

опять лежу среди камней,
и под туманом побережья
бледнее солнце, светит реже,
и без тебя так дико мне.
опять гляжу из-подо лба
на бьющихся по ветру чаек,
где море горизонт встречает,
и в каждом шорохе — мольба.
опять я жду на маяке

и от тоски кусаю губы,
и голос моря нынче грубый,
и капли крови на щеке.
опять лежу на самом дне,
пуская кольца кислорода.
не вижу пирс, не знаю брода,
и без тебя так дико мне.
2017

всё скоро кончится

«моё счастье» не светит совсем, только красным —
«опасность».
«ненароком» опять оступаюсь и падаю вниз.
интересно же, кто умрёт следующей
из одноклассниц
и к кому на могилу с цветами не буду нестись.
и обидно всегда, если смерть выпадает на лето,
и ненужный мороз — струи пота, жара по спине.
и тоскливо совсем не от песен погибших поэтов,
а от песен поэта того, что скончался во мне.
только плач неприличен и, больше того, неуместен.
и не больно уже ни от пули, ни от острия.
мы же начали — мы и покончим со всем этим
вместе —

я и я.
2017

порт Кавказ

невдалеке стоит состав,
молчит про них ли, про меня ли,
и нас на новых променяли,
совсем состариться не дав.
в тиши гудит локомотив
и моментально тонет в эхе.
иду, ногой сбивая вехи,
до дна обиды проглотив.
в порту застыли корабли,
а капитан закрылся в рубке.
моя свобода с телом хрупким
внутри меня себя скоблит.
опять гудок. теперь в порту.
и я тоскую на пароме.
вокруг молчит всё, моря кроме,
и солью по щекам, по рту.
а берег тот всегда пленял,
каштан раскинулся тенистый,
и ласково встречает пристань,
но где же место для меня?
2017

мерещится

в моей квартире только ты
и лапы мягкого медведя.

мой алфавит — от «аз» до «веди»,
и мы, как тёплые коты.
скажи мне, сколько знаешь звёзд,
и где видна Кассиопея?
и до утра я не успею
увидеть у рассказов хвост.
прекрасна и бесменна та
калины ветка на запястье.
ты ни за что не дай упасть ей,
ведь под балконом темнота.
боюсь привыкнуть я к ней сам,
но как-то я её терплю же?
мою медведицу из плюша
зовут, не забывай, Лейсан.
2017

Финский залив/письма

встань босая на берег залива,
напиши мне стихи на песке —
я с рассветом приду и сотру.
моё море всегда молчаливо,
не поёт и не плачет ни с кем,
и маяк погасает к утру.
ароматом портов прибалтийских
ты по крышам домов растекись;
я привык, что день там, а ночь тут,
и ни дня без хотя бы записки —

ты возьмишь за перо и за кисть,
напиши на реке — я прочту.
одевайся и мчи что есть мочи,
догоняй. заждались нас уже.
ты узнаешь меня по плащу.
ты услышишь, как что-то клокочет,
и кончается старый сюжет.
постучи мне в окно. я впущу.
2017

фрамуга

под ржавой весенней капелью
в бензиновых лужах свербит
кургузое небо апреля
с обломками звёздных орбит.
мой город усталый спросонья
глядит сквозь зрачки фонарей.
и в каплях растаявших тонет
корабль, причалив на рейд.
зефиры целуют в ключицы,
и кожа внезапно тесна.
теплет. и проще включиться,
проснуться от зимнего сна.
раскрыты тугие фрамуги,
и ветра глубокий глоток
я сделал легко, без натуги.
внутри запружинился ток,

и город очнулся, скуластый.
вот дом твой и рядышком мой.
ты долго мне снилась. ну, здравствуй!
пойдём домой.

2018

полынь и лебеда

мой Чкалов, поросший полынью и лебедой,
меня усыпляет и воздухом пряным свистит,
но дрёма прервётся будильником или бедой,
в мои сновиденья прорвавшейся где-то к шести.
и чёрт его знает, как долго нести этот груз нам,
ведь бледное солнце по-прежнему кожу скоблит.
артерий моих пересохли давно уже русла,
и мы по весне не запустим по ним корабли.
босые пройдем по безжизненной белой звезде,
покрытой иссохшим асфальтом и ржавым песком,
но мы никогда не вернёмся, хоть ждут нас везде.
а сил нет настолько, что двигаться надо ползком.
мой Чкалов усталый, влюблённый — и это взаимно;
хотя его жизнь — это утренний, сладкий сон мой,
поэтому вновь усыпит. это нужно двоим нам.
однажды и он не проснётся со мной.

2018

метелица

замолкли стрелки, но часам
уже не нужен ход их мерный.
мой пульс с тобой стал эфемерным —
и умирает ночью сам.
затихли воды у реки,
и твоё тело стало скользким.
леса отбросили расчёски,
сменили плешь на парики.
с тобою замер я и сам,
смахнул всю пыль, расправил плечи,
и ты теперь — моя беспечность,
моя дорога к чудесам.

2018

провода

струной звенит озябший провод,
и дышат двери, и сопят,
промокнув с головы до пят.
часы пробили полвторого.
щекой окошко подпирая,
ты молча дремлешь о своём —
чтоб небо, горы, водоём
вдали от городских окраин.
я о своём. мне б ехать плавно
с любимых улиц, не спеша,

колёса слушать как шуршат
и думать о тебе (о главном).
но вот твой дом. направо, да?
подъезд в тени от кипариса.
маршрут закрыт. троллейбус списан,
и с улиц сняли провода.

2018

степь

стою, открытый всем ветрам,
нагой, рожденный одиноким,
и в руки лезут рифмы, строки,
но не дожить им до утра.
из клетки рёбер рвётся вой,
заткну, и пусть внутри томится.
я тела распахну темницу,
над степью прах развею свой.

2018

маяк

включаю свет, торшеры, бра —
не станет в комнате светлей.
на стенах тени от ветвей,
но все равно здесь слишком пусто.

и сигарета — как маяк.
иди на дым моей лампы.
под звонкой песней листопада
я прошепчу, что ты моя.
но ты не очень-то спешишь,
пока придёшь — и чай остынет,
слова не смогут быть простыми —
их не услышишь и в тиши.
и где теперь мой доктор Ватсон?
мне ничего не разобрать.
тушу торшеры, люстры, бра
и рвусь к тебе. не надорваться б.
2018

расходись

своё прошлое медленно тащим
с частицами «-то» и «-нибудь».
я прошу тебя, будь настоящим.
если хочешь — и будущим будь.
не зарёкся б — тогда избежал бы
и любви, и тюрьмы, и сумы.
только, видимо, слишком уж мал был —
«ты» и «я» не становятся «мы».
вместо сердца — ожоги и пали.
вместо моря — окно и карниз.
милый друг мой, тебя разыграли —
расходись.
2017

содержание

этот город	3	салют, весна!	22
гни свою линию	3	vasaris nebus	
спасибо	4	amžinai	23
юноша смеется	5	Брамс	24
город мой	6	Технологический	
целовать	7	институт	25
новая жизнь	8	морская	26
целуешь звезды	9	зима	26
буду	10	стаккато	27
маршрутки	11	паутина шрамов	28
температура	12	милый друг	29
ленинградское небо	13	череп и кости	29
белая ночь	13	иди ко мне	30
наотмашь/ сын моряка	14	всё скоро кончится	31
завершается игра	15	порт Кавказ	32
ленинградское время	16	мерещится	32
давай вернемся	16	Финский залив/ письма	33
польские цветы	17	фрамуга	34
кит	18	попынь и лебеда	35
прекрасных дней	19	метелица	36
дерзкий поляк	20	провода	36
there is no good in goodbye	21	степь	37
под сурдинку	22	маяк	37
		расходись	38

Владислав Сергеевич Окорочков
Расходись

Редактор Виталий Молчанов
Выпускающий редактор Вячеслав Моисеев
Вёрстка — Леонид Маслов
Корректор Людмила Моисеева
Обложка — Диана Шамсутдинова

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. (3532) 55-41-99.

Подписано в печать 28.11.2018 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография «Альфа
Принт»:
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.
Тираж 200 экз. Заказ № _____.

ISBN 978-5-907080-35-5

9 785907 080355

Я, Владислав Окорок, родился в 1998 году в Оренбурге и до сих пор там живу. Писать стихи начал в четырнадцать лет, писать хорошие стихи — с семнадцати. И в этом сборнике помещены только хорошие стихи — о человеческой природе, о родном городе, о любви и разочаровании. Как можно понять из названия книги и заглавного в ней стихотворения — всё-таки больше о разочаровании. Но всё же с надеждой на лучшее будущее — для себя, для близких, для своего дома, для всех вообще.

Посвящаю книгу моим друзьям.

